

Огненное существо потянулось, расправило крылья и, охнув, вернулось в сладко ноющее после любви тело.

— А ведь ты мне ни капельки не веришь, Лада, — лицо Болата слабо фосфоресцировало в темноте.

— Ещё вчера я думала о старости, о смерти в одиночестве, о высохшем теле, которое найдут на этой кровати равнодушные соседи через пару месяцев после моего ухода... Я даже думала о монастыре... Ох!

Бледный росчерк улыбки на чеканном лице Будды:

— Свой монастырь мы носим в себе — и ад, и рай, и нет других стен, кроме тех, которые мы возводим сами.

За окном мирно спал подмосковный городок. Сквозь неплотно задёрнутые шторы сочился сиреневый свет. Предметы в их привычном облике отсутствовали — пространство извивалось и пульсировало. Комната была лишь коконом, который свили два человеческих существа, слившись воедино.

Но каждый думал о своём.

— Виноват. Прости. Судьба такая, — сказал Болат в ответ на мысли жены.

«Тридцать лет — как сон, — думала Лада. — Тогда, в Казахстане, я даже разозлиться не смогла. Отпустила. Просто вычеркнула из жизни. Решила, что любимого мужчину, а оказалось — саму жизнь...»

— Большинство обычных людей не живут, а спят. Под оболочками тел у них пустота. Годы уходят на ублажение и украшательство оболочек. Главное в жизни — выглядеть важным и значительным в глазах таких же бездушных марионеток, чтобы деньги, и не просто, а много денег, и одежды дорогие, и глянцевые женщины в блеске бриллиантов. Успех! — Болат закрыл глаза. — Но однажды всё рушится... И высохшие тела, как листья, уносит ветер. От таких людей не остаётся в этом мире ничего... Но есть другие — кукловоды. Внешне они ничем не выделяются из толпы. Никак не афишируют ни себя, ни силы, которым служат. В начале девяностых я столкнулся с таким человеком...

Я тогда жил с красивой, но сильно пьющей девушкой по имени Саня. Её бабушка, дабы вылечить внучку, решила обратиться к известному на весь Казахстан специалисту-экстрасенсу Майрэ Мулдашевой. Майра́ как раз приехала в наш город и принимала страждущих. Местная пресса пестрела объявлениями: известный экстрасенс, дипломант ООН — до сих пор не понимаю, при чём тут ООН, — лечивает от пьянства, заговоры, привороты и всё такое прочее.

Как-то в конце дня, когда я развёз по домам своих рабочих, Саня подошла к машине:

— Бұлка, поговорить надо.

— Садись, раз надо.

Мы заехали в какой-то ресторан, кажется, в «Жастык», и за ужином Саня поведала о встрече с экстрасенсом.

— Болат, она сказала, что я не похожа на свою покойную мать, — шептала Саня, украдкой оглядывая зал, словно опасалась слезки.

Я улыбнулся. Действительно, Саня на казашку совсем не похожа — высокая, чернобровая, зеленоглазая, она

точь-в-точь копия Генриха Ивановича Шефера, до сих пор работающего главным инженером завода ферросплавов.

— Булка, — продолжала девушка, — Майра описывала мою мать так, словно знала её. Ошарашенная я спросила, как можно так говорить о человеке, не видя его перед собою. «А она и стоит передо мною прямо у тебя за спиной. Твоя мать Бигайшá просит за тебя, дочка».

Я рассказ подруги всерьёз не воспринял, решил: бабские бредни. А вечером Майра Мулдашева позвонила. Она знала обо мне всё, даже день и час моего рождения. Я был потрясён, но всё ещё не верил. Сбор информации о клиентах в наше время дело не такое уж и сложное. Словно прочитав мои мысли, ведьма сказала:

— А сейчас я войду к тебе в комнату, и ты поверишь.

Через мгновенье запах чабреца¹ и полыни заполнил спальню, тугая волна толкнула меня в плечо. В комнате был кто-то, вернее, что-то очень мощное, и я бы не сказал, что доброе.

Я сидел на подлокотнике дивана, провод телефона тянулся ко мне через всю комнату, телефонный аппарат стоял тут же на подлокотнике. От неожиданности я столкнул аппарат на пол и едва не выронил из рук трубку.

— Ты сейчас одет в трико и тельняшку-маечку, сидишь на быльце дивана. Да не бойся ты так, — она засмеялась.

Утром, когда Саня с бабушкой отправились на очередной сеанс, Майра их не приняла — исчезла из города, но оставила свой номер телефона. Я был возмущён, позвонил ей и наговорил много дерзостей. Как посмела она обмануть пожилого человека и вверившуюся ей молодую женщину? На другом конце провода пару секунд длилось молчанье, а потом:

— Приезжай, — молвила она холодно и резко, — я в Хромтау.

И я поехал к ней в Хромтау. Это был канун Нового года, пятница. Снега намело. Морозище. А до Хромтау от нашего

¹ Чабрец, тимьян ползучий, или чабрец обыкновенный, или богородская трава — вид многолетних полукустарников из рода Тимьян.

города сто десять километров. Друзья изо всех сил отговаривали: не доедешь, пропадёшь, да и зачем спешка нужна? Потом махнули рукой: поезжай; если пройдёшь три первых снежных перемёта² на дороге — можешь ехать дальше, там уже проще будет, иначе — поворачивай обратно.

Я прошёл двадцать или даже тридцать снежных заносов до того, как машина вылетела с дороги и увязла в огромном сугробе. Что делать, совершенно себе не представлял. Ждать три дня до понедельника, пока дорогу расчистят и найдут меня, — замёрзну, бензина не хватит. Идти остаток пути до Хромтау пешком — не дойду: волки! Хорошо, что хоть лопату взял. И я вырыл тоннель в снегу под передними колёсами машины, до самой земли снег счистил. Когда закончил — снег был у меня везде, даже в карманах штанов, но моя «восьмёрка» накренилась вперёд, гребанула передними ведущими колёсам и выскочила на трассу.

До Хромтау я таки добрался, и тут дошло до меня, что адреса не знаю — ехал на деревню к бабушке, дурень. Но нашёл Майру без проблем, ни у кого ничего не спрашивая. Улицы сами вывели меня к её дому, а она уже стояла на крыльце и молча, пальцем, показывала мне, куда поставить машину.

Потом мы ужинали и пили чай, она уложила меня спать и вышла из комнаты. Я закрыл глаза, а когда через секунду открыл их — увидел, что Майра стоит в дверном проёме и пристально смотрит на меня. Мне стало жутко.

— Не бойся...

Она подошла, положила мне руку на грудь, и мне показалось, что рука её вошла в меня и пальцы перебирают артерии и вены вокруг сердца.

— А теперь кровь твоя ходуном ходить будет.

И вся кожа моя вдруг стала пульсировать, даже кончики пальцев на ногах горели.

² Перемёт на дороге — сугроб, который нанесло ветром на полотно дороги.

— Подними руки, — сказала Майра, и я увидел, что пальцы на моих руках светятся ярким жёлтым светом, как лампочки.

— Что ты со мной делаешь? — выдохнул я.

— Это не я делаю, это твои предки, — ответила ведьма, но я почему-то знал, что тут она врёт.

Я остался у неё в учениках. И многого навидался.

Один из коронных приёмов — она ставила обращающимся к ней людям диагноз и отправляла их в больницу. Зачем? В больнице доктора в точности подтверждали поставленный ею диагноз, и только после этого Майра бралась за лечение потрясённого и поверившего в неё человека.

Я служил ей, не только ассистировал — я был её батареей, источником дополнительной энергии. И не возражал, нет. Отдавал ей всё по первому её требованию, даже тело, когда она в нём нуждалась. Интересная женщина, очень начитанная, образованная, фантастически притягательная, только злая-злющая. Вот, например, сидим в комнате, и она вдруг говорит:

— Теперь ты звонишь мне, развалина. Всё у тебя есть — и власть, и денег видимо-невидимо, а печень твоя совсем распадается. Будешь умолять спасти твою жалкую, никчёмную жизнь.

А через мгновение звонит телефон, и Майра милым голосом обращается к звонящему, и всё в точности так. Она заранее знает, кто позвонит. И о прошлом, и даже о будущем обратившегося к ней человека ей всё доподлинно известно.

Как-то я видел занимающего немалые посты человека — он плакал, будто дитя, после того как Майра взяла его за руку и отвела в будущее:

— Если ты продолжишь поступать так, как всегда это делал, вот что ожидает тебя.

— Я не буду, я больше так не буду, — рыдал толстый лысый дядька.

Майра выставляла себя мусульманкой. Соблюдала ритуалы.

Однажды мы поехали в Алгу на могилу Есет-батыра³.

Был хмурый осенний день, небо плотно занавесили серые тучи. Но как только мы вошли в мавзолей, в небе открылась прогалина, и яркий солнечный луч ринулся к земле, наполнив радостным светом комнату, освещая и нас, и читающего Коран муллу, и молящихся. Майра гордо улыбнулась, всем своим видом демонстрируя, что благословение небес направлено именно ей, а мулла Шогай нахмурился.

Я запомнил, как мулла Шогай тогда говорил с Майрой. Вернее, говорила она, а Шогай молча слушал. А потом сказал:

— Сходи в мечеть и помолись... Хотя бы раз... по настоящему.

Тогда я понял, что сила Майры Мулдашевой — не от Бога.

В один из дней — была уже зима, за окнами мело, полдень, а в комнате сумерки, — мы говорили, и разговор наш, под стать погоде, был мрачным. Я решил уйти. Я понял, что ничему мистическому Майра учить меня не будет и изначально не собиралась. Жалко было сожжённого времени и впустую истраченных сил.

Я плакал, кричал ей:

— Ты такая же, как и я, из плоти и крови. Значит, я тоже могу всё то, что можешь ты.

А она лишь усмехнулась:

— Все могут...

Меня вдруг словно током ударило. Мгновенье назад я сидел напротив Майры — и вот уже стою у окна, смотрю, как закручиваются спиральки метели на подъездной дорожке к дому. В голове гудит, а тело лёгкое.

³ Есет-батыр — знаменитый казахский полководец, оказавший огромное влияние на освободительную войну казахского народа против джунгарских захватчиков. Есет-батыр был ближайшим помощником хана Абулхаира и принимал участие в процессе присоединения земель Младшего жуза к Российской империи. Он содействовал развитию русско-казахских отношений. Умер в возрасте 82 лет в 1749 году. По его завещанию он был похоронен у села Бестамак, близ реки Илек. Сегодня на его могиле установлен мавзолей; множество паломников приезжают отдать почести славному герою казахского народа.

Посмотрел в комнату и обомлел. Увидел себя сидящим на стуле напротив Майры, разговор продолжался, я слышал свои слова, обращённые к ведьме, но слова звучали неестественно тягуче, как при замедленном воспроизведении видео. Я ощутил себя жертвой паука, застрявшей в вязкой субстанции паутины без возможности вырваться. Майра смотрела в глаза мне, стоящему у окна, и злобно ухмылялась. Я даже не успел подумать, что умер: мгновенье ужаса, хлопок — и я вернулся в тело.

Сейчас выходы из тела уже не представляют собой что-то необыкновенное. Это не фантазия — скорее, переход человечества на иной уровень бытия, новую эволюционную ступеньку, а в будущем, с помощью технических средств, практика выхода из тела станет привычной и нормальной, как компьютер и Интернет. По сути, это будет параллельный мир, и каждый сможет в него окупнуться.

Но меня выдрали из тела грубо и нагло. Я хватал воздух ртом, как рыба, выброшенная в чужую среду непонятной и необъяснимой силой. Слова обвинений сами собою иссякли, меня колотило, я смотрел на ведьму затуманившимися глазами и молчал.

— Все могут... — повторила она. — Я тебя не держу.
И я ушёл.

Я встал на свой путь, и путь привёл меня в Москву, к роднику-источнику, здесь ключи к Знаниям...

Я видел у Майры диплом, подписанный одним из ныне здравствующих видных учёных — она его ученица! Мистика, тайные ордена, запретные знания и Учителя — всё здесь, поэтому я здесь...

Лада положила руку на его выпуклое мускулистое плечо, погладила. Тепло и нежность перетекали от неё к мужу и от Болата к ней.

— Ты здесь не только поэтому. Ұйықта⁴. Спи.
Он уснул мгновенно и улыбался во сне.

12 преля 2021

⁴ Ұйықта (к з.) — Спи.